

УДК 378:94

ББК 74.480

Синтез социокультурных и политико-идеологических конструктов исторического образования и науки в контексте советского общественного сознания: модели, формы, периодизация*

Д.В. Хаминов

Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Томск, Россия)

Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники (Томск, Россия)

Synthesis of the Socio-Cultural and Politico-Ideological Constructs of Historical Education and Science in the Context of the Soviet Social Consciousness: the Models, Forms, Periodization

D.V. Khaminov

National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)

Рассматриваются проблемы организационной и смысловой структуры советского исторического образования. На основе впервые введенных в научный оборот архивных источников анализируется процесс формирования и эволюции советской государственной политики в отношении исторической науки и ее преподавания в высшей школе. Реконструируется процесс формирования советского исторического сознания как ведущего элемента советской социально-политической идентичности. Выявленные закономерности этого процесса позволяют выделить две основные составляющие советского исторического сознания: социокультурную и политико-идеологическую, вступающие в сложное многоуровневое взаимодействие в контексте их синтеза, осуществлявшегося в рамках высшего исторического образования и организации науки. Результаты этого взаимодействия, носившего неоднозначный и противоречивый характер, обусловили двойственную природу советского исторического сознания, обеспечивавшего преемственность с предыдущими эпохами, но критически зависимого от политической конъюнктуры.

Ключевые слова: историческая наука, историческое образование, историческое сознание, советская идеология, общественное сознание.

The article deals with the problems of the organizational and semantic structure of Soviet historical education. Based on the archival sources introduced for the first time in scientific circulation, the analysis is given to the process of formation and evolution of the Soviet state policy regarding historical science and its teaching in higher educational establishments. The reconstruction is made of the process of formation of Soviet historical consciousness as a leading element of the Soviet socio-political identity.

The revealed regularities of this process allow the author to distinguish two main components of the Soviet historical consciousness: socio-cultural and political-ideological ones, entering into a complex multi-level interaction in the context of their synthesis, carried out within the framework of higher historical education and the organization of science. The results of this interaction, which was ambiguous and contradictory, determined the dual nature of the Soviet historical consciousness which provided continuity with previous epochs, but critically dependent on the political conjuncture.

Key words: historical science, historical education, historical consciousness, Soviet ideology, public consciousness

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-36

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук: «Историческое знание во втор. пол. XIX — нач. XXI вв. как конструкт общественно-культурного сознания, политико-идеологической и гражданской идентичности: связь времен и поколений (на примере сибирского научно-образовательного комплекса)» (МК-6824.2016.6).

Феномен советского общественного сознания характеризуется прежде всего тем, что основные его смыслообразующие элементы формировались не только и не столько объективными обстоятельствами социальной реальности, сколько идеологизированным властно-политическим дискурсом. В свою очередь, результаты этого воздействия оказывали решающее влияние уже на сам социальный контекст, определяли направленность социальных практик по воспроизводству социального идеала и, в конечном итоге, задавали основную траекторию эволюции всей советской системы.

Ведущим сектором государственной политики являлась система высшего образования и науки (вузовской и академической). Они отвечали за подготовку управленческих кадров высшей квалификации, формируя элиту общества и опору партийно-государственной системы — советскую интеллигенцию. Именно поэтому приоритетной задачей советской власти являлось идеологическое воспитание всех участников образовательного процесса в высшей школе (и учащихся, и учащихся). При этом стоит учитывать, что общая стратегическая цель — воспитание нового советского человека — допускала известную возможность варьирования тактических задач и методов их решения.

Историческое образование и наука рассматривались советским руководством как важнейший элемент политико-идеологического воспитания населения (в первую очередь молодежи). На историческое знание (в самых разных его проявлениях) делался основной упор как на фактор формирования важнейших составляющих советской идентичности: патриотизма, гражданственности, преемственности поколений [1, с. 271–273; 2, с. 9–10]. Поэтому в каком-то смысле можно говорить о том, что историческое образование в Советском Союзе было в первую очередь именно историческим воспитанием.

Историческое знание (как совокупность исторического образования и науки) представляло собою особый, специфический сегмент в системе советской высшей школы. Ключевой особенностью его (и одновременно отличием от классического образца) являлось то, что не научный этос (нормативно-ценностная структура) определял содержание и методику образования, а прямо наоборот: задачи, ставившиеся политическим руководством перед высшим образованием, устанавливали проблемы, границы, инструментарий и, в конечном счете, горизонты научно-исторического познания.

Советские вузы, специализировавшиеся на подготовке исторических кадров, несли основную нагрузку по формированию несущих конструкторов советского исторического сознания посредством реализации трех обязательных составляющих (по мере убывания их важности) — политико-воспитательной работы, об-

разования и научно-исследовательской деятельности. Все эти три аспекта в совокупности были частью советского политического дискурса и менялись согласно его эволюции, формируя при этом ткань советского исторического метанарратива, сочленения между элементами которого были менее подвижны (в силу необходимости идеологического соответствия), нежели реальная риторика и практика политического руководства.

Тотальная идеологизированность советской системы и ее первоочередная задача одержать победу в борьбе за общественное сознание вообще и образ мышления каждого отдельного человека в частности привели к тому, что между советскими экономическими, социальными и гуманитарными науками и международными тенденциями развития этих наук появился незримый, но от того не менее непроницаемый барьер, состоявший не в различиях средств описания реальности, а в различиях самих целей познания окружающего мира. В силу этих обстоятельств советское академическое сообщество было вынуждено изобретать почти с нуля свою собственную научную школу в указанных областях. При этом подавляющая часть социогуманитарного сегмента научного знания в советский период предлагала различные варианты не научного, а политического прочтения мира, облаченные в наукообразную форму. Отсюда и вполне закономерно, что достижения мировой научной мысли для нее не были актуальны [3, с. 313].

В период с 1917 г. до конца 1920-х гг. наблюдалось относительно мирное сосуществование оставшихся представителей «старого» и нарождающегося «нового» исторического знания. Со временем их взаимоотношения постепенно ухудшались, сопровождаясь вытеснением представителей «старого исторического знания» с руководящих постов в научных, образовательных и просветительских учреждениях. Параллельно проходило оформление новой марксистской методологии исторического исследования, открывались научно-исследовательские учреждения и высшие учебные заведения нового типа (например, Комакадемия). В те годы обозначилась и первая чисто советская научная историческая школа во главе с М.Н. Покровским, взявшая на себя функцию ведения авангардных боев с научной и политической оппозицией. Знаковым в этом отношении событием стала реформа Академии наук СССР, трансформировавшая ее в соответствии с «потребностями социалистического строительства». Знаменитое «Академическое дело» символизировало собою окончательный разгром научной оппозиции (официально — политической оппозиции в научных кругах), став, в том числе, и поворотной точкой в судьбе исторического сообщества. Своеобразной приметой того времени стали исторические дискуссии. Основными противоборствующими сторонами выступали представители двух подходов — культур-

но-исторического (так называемые культурники) и социально-экономического. Важнейшим их результатом стала тенденция к отождествлению немарксизма и антимарксизма: труды ученых, ранее оцениваемые как близкие марксизму, к концу 1920-х гг. все чаще относились к категории антимарксистских.

Помимо сугубо политических процессов, в те годы в сфере исторической науки и высшего исторического образования происходили и другие, в которых идеологическая линия нашла свое опосредованное выражение. После революции произошло резкое понижение статуса исторической науки и образования (впрочем, этот «постреволюционный синдром» закономерен и характерен для всех обществ переходного периода). Падение авторитета истории и ее социальной востребованности вполне закономерно привели к включению ее в состав обществоведения в ходе ликвидации историко-филологических факультетов и замены их факультетами общественных наук (ФОН). В целом вузовское преподавание истории (а за ним и школьное) в 1920-е гг. опиралось на партийные установки директивного характера, в соответствии с которыми должно было быть отброшено классическое ее изложение, традиционно способствовавшее привитию национального и гражданского патриотизма. В ходе Первой мировой и Гражданской войн патриотизм на уровне массового восприятия был почти полностью дискредитирован, уступив место идее интернациональной пролетарской солидарности. После революции 1917 г. этому во многом способствовал и взятый большевиками курс на мировую революцию. В силу этого история в качестве самостоятельной дисциплины исчезла из учебных планов высшей школы на многие годы.

Новая концепция организации высшего гуманитарного образования в университетах страны виделась большевиками в распространении идей научного коммунизма, разработке основных принципов новой советской системы государственного управления. Естественно, что система исторического образования, доставшаяся в наследство от дореволюционной России, абсолютно не отвечала запросам советской власти, прежде всего по идеологическим соображениям. Новая власть нуждалась в новых кадрах историков, стоявших не на национально-исторических, а на историософских марксистских методологических позициях.

В итоге, к концу 1920-х гг. большевистская реформа гуманитарного сегмента высшей школы единственным своим результатом имела полностью разрушенную систему классического исторического (равно как и философского, филологического, юридического) образования. В то же самое время эта чисто вузовская реформа оказала большое отрицательное влияние на всю систему не только высшего, но и среднего специального и школьного образования в стране.

Конкретные гуманитарные знания в области истории, философии, филологии, юриспруденции, экономики и по другим дисциплинам были подменены преподаванием общих конструкций и закономерностей развития общества и государства в виде синтетически-догматических обзоров, что не могло дать положительного результата в деле гуманитарного образования и прежде всего в средних школах.

Лишь позже, в начале 1930-х гг., советское руководство осознает всю пагубность данной реформы и положения исторического знания как для средней, так и для высшей школы СССР. Высшее партийное руководство и в первую очередь сам И.В. Сталин стали уделять намного больше внимания историческому образованию в средних учебных заведениях СССР и подготовке для школ специалистов-историков в вузах страны. В известном Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» говорилось: «...преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме <...> учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связанное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами» [4]. Это стало своего рода «великим переломом» в отношениях советского государства с исторической наукой и образованием.

Период с начала 1930-х до начала 1940-х гг. характеризовался практически полным подчинением исторического образования и науки советскому государству, а историков — коммунистической партии. В 1930-е гг. были уничтожены последние очаги научного и политического свободомыслия. Разгром и ликвидация школы Покровского символизировали собою окончание эпохи дискусионной альтернативности. Окончательное оформление советской идеократической системы институционализировало историю, сделав ее одним из вспомогательных кластеров партийно-государственного организма, несущим четко определенную функцию, исполнение которой обеспечивалось применением столь же строго определенного инструментария.

Возвращение к традиционной модели преподавания истории было обусловлено главным образом чисто утилитарными соображениями. Идея целесообразности установления исторической преемственности СССР Российской империи диктовала необходимость расширения исторического хронотопа до рамок «гражданской» истории. В связи с этим требовалось максимально плотно увязать героизированные сюжеты и персоналии времен революции и Гражданской войны со всем многообразием дореволюционного прошлого и внедрить эти установки

в систему образования (на всех его уровнях) и политико-воспитательного воздействия на советскую молодежь. Перед исторической наукой, таким образом, ставилась задача обоснования задним числом сталинского курса на построение социализма в отдельной стране и, соответственно, легитимации сложившегося политического режима. Преподавание же истории как предмета и учебной дисциплины было подчинено целям текущего момента; рамки научно-образовательного процесса задавались направлением «генеральной линии партии» и, разумеется, колебались вместе с нею. В тесной увязке с внутреннеполитическими событиями второй половине 1930-х гг. преподаватели истории провозглашались не иначе как «бойцами идеологического фронта» [1, с. 274] (причем многие из них в самом прямом смысле этого слова пали на фронтах необъявленной внутренней войны в годы Большого террора).

Стоит отметить, что метафора войны была фундаментальной в советской семиосфере (например, «прорыв исторического фронта» и т.п.). Регулярное напоминание советским историкам о том, что история является важным участком идеологической борьбы, обеспечивало их социальную и профессиональную мобилизацию. Противостояние внутренним и внешним врагам («буржуазным историкам») обуславливало появление особого типа советского историка, ведущего своего рода арьергардные бои, позволяя тем самым осуществить исторический прорыв в коммунистическое будущее. Это и стало главной социальной функцией советской исторической науки, реализовывавшейся высшим историческим образованием.

К концу 1930-х гг. история стала одним из весьма действенных инструментов предвоенной консолидации советского общества. Историческое образование на всех уровнях должно было решать проблему воспитания молодежи в духе советского государственного патриотизма (а не как раньше — «мирового пролетарского интернационализма»), поскольку в условиях приближавшейся мировой войны официальный дискурс уже перешел от лозунгов о торжестве мировой революции и интернационализма к национал-государственной риторике. Патриотизм к началу войны стал пониматься как «чувство постоянной мобилизационной готовности, чувства безграничной, активной любви к своей Родине» [5].

Вообще, 1930-е гг. стали периодом формирования советского исторического метанарратива. Ведущую роль в конструировании его событийно-смысловой базы играл сам И.В. Сталин (в творческом содружестве со своими соратниками), а точнее, — его высказывания, цитаты и тексты [6–9]. В данном контексте вождь выступал в своеобразной роли мудрого «рассказчика истории», назидательно обращавшегося к внимающим его слушателям. При этом вся спец-

ифика данной его роли заключалась в том, что он выступал в качестве толкователя первооснов коммунистической идеологии, так или иначе трактуя Маркса – Энгельса – Ленина применительно к тому или иному историческому периоду, сюжету, событию или персоне (сообразно условиям текущего момента и упрощенно для простоты восприятия и усвоения широкими массами). Метаисторичность данного феномена раскрывалась в том, что сам Сталин в спорах с оппонентами неоднократно подчеркивал, что к марксизму должно относиться не догматически, но творчески (что уже само по себе ставило его в один ряд с классиками марксизма-ленинизма). Центральное место в советской исторической картине мира занял, конечно же, «Краткий курс истории ВКП(б)», ставший сакральным метатекстом советской историографии, обязательным к цитированию и ссылкам. В данном разрезе весьма любопытной выглядит аналогия со средневековым христианским прочтением истории, основанном на циклическом восприятии времени и апокалипсической трактовке Евангелия, особенно учитывая семинаристское прошлое генерального секретаря ВКП (б), наделенного статусом живого апостола коммунистического вероучения.

Таким образом, в основных своих чертах складывался советский авторитетный дискурс, легитимирующий советскую социально-политическую реальность посредством выстраивания позитивной исторической мифологии, которая, в свою очередь, базировалась на ряде ключевых сюжетов и наиболее узнаваемых персоналий отечественной истории. До определенного времени его устойчивость обеспечивалась элементарной простотой и наглядностью самоочевидных истин (сталинские рассуждения в стиле «вопрос–ответ»).

Период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ознаменовался решительными переменами в жизни советского исторического сообщества. Помимо всех очевидных негативных последствий, война вызвала серьезное перераспределение научно-педагогического потенциала по территории страны, имевшее и свое определенное положительное значение в плане формирования новых научных кадров, становлении новых исследовательских и образовательных центров на периферии — на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

С одной стороны, произошел взлет исторического самосознания советского общества, востребовавший позитивную версию отечественной истории, основанную на культе героических личностей, прежде всего военачальников. С другой стороны, по сравнению с первыми послереволюционным десятилетием произошла своего рода реабилитация истории как науки и учебной дисциплины, занявшей свое прочное место в академической и университетской среде. В целом же надо признать, что социально-психологическая со-

ставляющая исключительно высокого мобилизационного потенциала советского общества, продемонстрированного в годы войны, была во многом обеспечена прочностью и эффективностью того историко-идеологического задела, что был сделан в 1930-е гг.

Значение данного периода для исторической науки состояло в том, что сама Великая Отечественная война становилась одним из краеугольных камней (наряду с Октябрьской революцией) советской исторической мифологии, подтвердивших правильность социально-экономической основы советской системы и оправдывающих ее политический режим.

В первое послевоенное десятилетие (период «позднего сталинизма») проходило постепенное возвращение советских историков к нормальным условиям жизни, научной и преподавательской деятельности. Наряду с этим внутривнутриполитическая обстановка в стране вскоре вновь стала весьма негативной, ибо национальные и государственнические мотивы, проявившиеся в период войны, стали доминировать в историческом дискурсе и использоваться властью в ходе очередных идеологических кампаний второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. (борьба с низкопоклонством перед Западом, космополитизмом, «буржуазным объективизмом», «марксизмом» в истории и др.). В них историки (как вузовские преподаватели, так и академические работники) становились непосредственными участниками этих процессов — либо в качестве проводников основных идеологических мероприятий, либо в качестве жертв [10, л. 42; 11, л. 19–20; 12, л. 2–3].

На десятилетие середины 1950-х — середины 1960-х гг. огромное влияние оказало долгожданное изменение общественно-политической обстановки в рамках хрущевской «оттепели». Именно тогда фактически состоялась первая серьезная ревизия советской истории. Осуждение культа личности Сталина волей-неволей неизбежно повлекло за собой глобальное переосмысление всего периода 1930–1940-х гг., что привнесло первые трещины в кажущееся монолитным советское общественное сознание. Тем не менее его метаисторическая составляющая на тот момент, напротив, еще более упрочилась за счет космического прорыва 12 апреля 1961 г., видевшегося логичным результатом завоеваний 1917 г., защищенных в период 1941–1945 гг.

Непосредственно для исторического знания (как совокупности политико-воспитательного, образовательного и научного конструктов) «оттепель» означала некоторое ослабление идеологического давления и контроля со стороны партийно-государственных органов, сделавшее возможными методологические поиски в рамках господствовавшей марксистской парадигмы в образовании и науке. Произошло значительное расширение сети научно-исследовательских учреждений, появление новых научных изданий, состоял-

ся запоздалый выход советских историков на международную арену, установились их первые (весьма на тот момент ограниченные) контакты с зарубежными коллегами.

В период «развитого социализма» (брежневского «застоя») вновь произошло усиление партийно-государственного контроля над исторической наукой и образованием в рамках «ползучей ресталинизации», выразившееся в купировании попыток вольнодумства на путях марксистских методологических поисков. Консервировались старые методологические и концептуальные установки с незначительными поправками и устранением наиболее одиозных элементов сталинской идеологии, в новых условиях, ставших для системы не менее опасными, чем результаты хрущевского волюнтаризма. Тем не менее при этом произошло становление некоторых масштабных тем и личностей на общесоюзном (Д.Б. Зимин, В.Б. Кобрин, Р.Г. Скрынников, И.Я. Фроянов и др.), макрорегиональном, региональном и локальном уровнях, вокруг которых строились конкретно-исторические исследования как старых, так и относительно новых проблем социально-экономической и политической истории России.

Общие тенденции нарастающей стагнации в социально-экономической и политической сферах привели к определенным сдвигам и в событийной матрице советского исторического сознания: смысловой центр тяжести постепенно все больше переносился с Октябрьской революции на Великую Отечественную войну. Смещение акцентов с революционного прорыва в будущее на удержание достигнутого свидетельствовало о том, что творческий потенциал советского общества как активного творца мировой истории окончательно иссяк, уступив место потребительскому консерватизму как правящей элиты, так и основной массы населения. Об этом же говорил и фактический отказ партийно-государственного руководства от дальнейших попыток «развернутого строительства коммунизма» в пользу гарантирующего столь желанную внутреннюю стабильность концепта «развитого социализма».

С началом «перестройки» в советской исторической науке и системе высшего исторического образования начались принципиально новые процессы, знаменовавшие их кризисом, вызванным актуализацией прежних и появлением массы новых альтернативных советскому марксизму теорий.

В рамках «гласности» произошло своеобразное «открытие» истории публицистами, выявлено множество лакун в представлениях о досоветском и советском прошлом («белые пятна», «черные дыры»). Было заново открыто и опубликовано множество исторических источников, началось приобщение к традиции несветской историографии. Был дан «зеленый свет» новой исследовательской проблематике, уста-

навливались новые связи с мировым историко-научным сообществом.

Для широкой публики становилось все более очевидным, что советская историческая наука практически на протяжении всего периода своего существования была весьма далека от объективного и беспристрастного описания минувшей реальности. Причины этого вполне резонно усматривались в исключительно жесткой и ничем не прикрытой зависимости историков от сиюминутной политической конъюнктуры и необходимости вписывания самого научно-исторического знания в общий идеологический контекст. Как неизбежное следствие, в значительной части советского общества стало формироваться негативно-недоверчивое отношение к историкам и к самой исторической науке и системе подготовке кадров историков.

В системе высшего исторического образования с началом «перестройки» начались поиски путей дальнейшего развития, определения форм и направлений научно-образовательной деятельности. В изменившихся условиях, помимо распорядительной документации центральных партийных и государственных органов, повестку в развитии и направлениях исторического знания также формировали дискуссии, публикации, выступления ученых и общественных деятелей.

Поворотной же точкой в процессе перестроечного демонтажа исторических конструктов советской ценностно-смысловой системы можно считать оценку исторического прошлого страны, данную в докладе М.С. Горбачева на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС. Относительно взвешенная и осторожная, она, тем не менее, положила начало поляризации общественного мнения относительно исторической оправданности, следовательно, и перспектив советского проекта как такового, разделяя отстаивающих раннесоветские принципы «пуристан» и все более радикализирующихся либералов-западников. Тем самым шло разрушение некогда единого советского историко-политического дискурса, что уже само по себе несло прямую угрозу всей советской политической системе.

Одним из первых симптомов этого стал февральский (1988 г.) пленум ЦК КПСС, на котором был рассмотрен вопрос о ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению. Выступая с докладом по данному вопросу, член Политбюро и секретарь ЦК КПСС по идеологии Е.К. Лигачев остановился, в частности, на некоторых идеологических вопросах: «Очень важно, чтобы, осваивая предметы обществоведения, молодежь училась классовому видению мира, пониманию связи классовых и общечеловеческих интересов. В том числе и пониманию классовой сущности перемен, происходящих в нашей стране... Отдельные лица произволь-

но стремятся представить наш путь как цепь ошибок и преступлений, замалчивают великие достижения прошлого и настоящего. Кликушествуя над историческим наследием советской эпохи, договариваются до того, что мы, дескать, построили не тот социализм...» [13, с. 246–247].

В результате размывания советского исторического метанарратива советская историческая наука (а вместе с ней неизбежно и преподавание истории в высшей школе) во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. вступила в полосу острейшего кризиса, позитивного выхода из которого, как оказалось, самостоятельно она найти не смогла, ибо была теснейшим образом связана со стремительно распадающимся партийным организмом.

В целом же перед высшим историческим образованием в этот период встал целый комплекс трудноразрешимых вопросов, ответы на которые было исключительно трудно дать, оставаясь в рамках стремительно ускользающей советской системы социальных координат: соотношение реалий советского социализма с идеями К. Маркса и В.И. Ленина; проблема формационной природы советского общества; диалектика теории и практики социалистического строительства в СССР и т.д.

Ситуация усугублялась тем, что советские историки и преподаватели оказались бессильны перед тремя последовательными волнами ревизии советского прошлого, пришедшимися на короткий период «перестройки»: переоценкой эпохи Брежнева, окрещенной в советской публицистике «застоем», очередной десталинизацией и, наконец, развенчанием культа Ленина. Тем самым дискредитация советской истории разрушала и советский сегмент национально-культурной составляющей общественного сознания, что в перспективе несло в себе мощный центробежный импульс в отношении союзного центра и республик.

В конечном итоге, политически инспирированная рефлексия советского общества неминуемо привела к кризису советского исторического сознания, что в свою очередь способствовало рассыпанию советской доксы, скреплявшей до этого всю социально-политическую систему. С одной стороны, это означало безусловный конец советского *modus vivendi* отечественной исторической науки и системы подготовки кадров историков, с другой — переход в «постсоветское» состояние давал возможность обретения нового *modus operandi*: открывал для нее принципиально новые исследовательские поля, расширял методологическую базу, обеспечивая тем самым концептуальный плюрализм.

Говоря о политизированности советского исторического знания, нельзя, естественно, не затронуть и его идеологический аспект, а также общий советский политико-идеологический контекст в целом.

Отталкиваясь от марксистского тезиса об идеологии как о ложной форме сознания (в противоположность науке), практики отечественного марксизма в период борьбы за удержание взятой ими власти так или иначе конструировали свою собственную идеологию, позиционировавшуюся в качестве марксистско-ленинской.

В то же самое время представляется весьма проблематичным утверждать о наличии в ментальном поле советской системы на протяжении всего времени ее существования некой целостной, внутренне непротиворечивой и логически формулируемой идеологической картины мира. Своеобразной «точкой сборки» советской государственности стала ситуация критической необходимости удержания власти в стране, социально-экономические реалии которой менее всего отвечали положениям классического марксизма. Все остальные виды и направления большевистских практик (прежде всего социально-экономических и социально-культурных) были, в конечном счете, замкнуты именно на занятие и реализацию властных позиций. Идеология же служила первоочередным источником и инструментом легитимации захваченной политической власти.

Глубина и широта восприятия большевистской интерпретации марксизма самой советской элитой в лице партгосноменклатуры естественным образом варьировались как по горизонтали, так и по вертикали. Не стоит забывать и о том, что управленческие задачи, встававшие перед советским руководством, с течением времени качественно менялись. В силу всего этого ход и результаты процесса реализации советского проекта определялись шедшей с переменным успехом в коллективном сознании советских управленцев борьбой между соображениями практической и идеологической целесообразности.

В свете этого представляется целесообразным коснуться вопроса связи научно-преподавательской деятельности советских историков с партийными решениями, нашедшими свое отражение в материалах съездов КПСС и текстах выступлений высшего партийного и государственного руководства. Естественно, что декларировался теснейший характер этой связи, обеспечивавший пребывание советской исторической науки на острие идеологической борьбы. Особенно ярко это демонстрировалось в эпоху «развитого социализма», когда в полной мере проявлял себя так называемый парадокс Лефора (апелляция власти к некоей объективной истине при одновременной невозможности доказать реальность ее существования средствами государственной политики).

В этой ситуации политическая власть и историческое научно-педагогическое сообщество являлись своего рода спарринг-партнерами: стремительно теряющий связь с реальной жизнью официальный властный дискурс пытался «поддерживать себя в форме», акту-

ализируя, в зависимости от текущей повестки дня, ту или иную историческую проблематику. Со своей стороны «руководимые и направляемые» историки искали и находили историческое обоснование партийных идеологием, зачастую попутно решая свои сугубо корпоративные задачи.

Так, к примеру, в апреле 1976 г. на кафедре истории СССР Омского университета каждый преподаватель должен был внимательно изучить материалы XXV съезда КПСС и проиллюстрировать, как он использует их в лекциях. Г.К. Садретдинов докладывал: «...в лекции по истории средневекового Китая я использовал положение доклада Л.И. Брежнева и на материалах показал предвзятость их притязаний на нашу территорию»; Н.Ф. Емельянов: «...на Нерчинском договоре показал несостоятельность китайских притязаний, внешняя политика XVIII в. — пограничные конфликты, их история показывает, что китайцы были чрезвычайно далеки от нынешних границ» [14, л. 28–29]. При этом, по большому счету, все влияние партийных документов на преподавательскую деятельность сводилось к чисто формальным, поверхностным изменениям курсов, в отношении же научной работы оно выражалось в начетничестве и обильном цитировании.

Таким образом, более корректным видится определение советского властно-политического дискурса не как идеологического, но скорее идеологизированного (в том смысле, что форма его довлела над содержанием). В какой-то мере то, что называют советской идеологией, было искусственно сконструировано уже в постреволюционную эпоху для потребления советским населением: обеспечения лояльности, объяснения действий власти, создания ценностной структуры нового общества, актуализации той или иной проблемы и психологической мобилизации на ее решение. Эта семиотическая система была только лексически связана с европейским марксизмом и состояла из ряда основополагающих догм (относительно постоянных) и вспомогательного набора клише (менявшихся в зависимости от обстоятельств).

Еще один актуальный для нас аспект советской научно-образовательной политики состоял в том, что историческое образование было, как уже говорилось выше, одним из инструментов формирования советской общественно-политической идентичности, успехи чего декларировались в очередной советской Конституции 1977 г. [15] (не случайна в этой связи и сама формулировка — «новая историческая общность — советский народ»). В свою очередь, этот процесс теснейшим образом переплетался с советской национальной политикой, проявившейся, в частности, в демонтаже устоявшегося при Романовых концепта триединого русского народа. Соответственно, русский исторический хронотоп сужался до границ бывших

великороссов, но при этом границы самого советского исторического сознания, формируемого советской высшей школой, почти полностью совпадали с прежними имперскими.

Особенности советской национальной политики приводили к тому, что темпы роста национального самосознания народов СССР обгоняли скорость их социально-культурной советизации. В силу этого удачно сформировать и привить советскую идентичность получилось, главным образом, у русских. Фактически же это означало, что сформировавшаяся так или иначе советская идентичность стала в полном смысле этого слова русской идентичностью (присущей русскому населению РСФСР), а, следовательно, и основой социально-политической самоидентификации подавляющей части населения современной России.

Возвращаясь к теме идеологизированности советского общественно-политического дискурса, подчеркнем его агонистический характер, причем как внутренний (идея классовой борьбы), так и внешний (противостояние двух идеологий — коммунистической и буржуазной). В первом случае агональное начало из настоящего обращалось в ретроспекцию в соответствии с марксистским канонам философии истории, что, в свою очередь, устанавливало проблемные рамки советской исторической науки. Во втором же случае из модуса настоящего задавались образ и модель будущего, определявшие содержание политико-воспитательной работы с населением. Нет нужды утверждать, что между собою они были органически связаны.

Советская идеология имела двойной объект воздействия — внутренний (советских граждан) и внешний (буржуазный мир). Однако очередной парадокс здесь заключался в том, что реалии холодной войны приводили к подмене понятий в рамках заочной полемике советских идеологов со своими западными

оппонентами. Апелляция к марксизму как всепобеждающему оружию и разоблачающая критика на его основе трансатлантических ценностей и образа жизни со временем стали все больше определяться условиями геополитического самопозиционирования. В результате это привело к тому, что западная социально-экономическая модель интерпретировалась и критиковалась не только и не столько как буржуазная, сколько имплицитно именно как западная, т.е. чуждая прежде всего социокультурно и цивилизационно. При этом за рамками риторики оставался тот факт, что марксизм является плотью от плоти продуктом европейской цивилизации и в целом западной европоцентричной общественно-политической мысли.

Это, в конечном счете, обеспечивало относительно плотную увязку абстрактно-отвлеченных советских идеологем с конкретной предметно-событийной канвой отечественной истории в контексте советского исторического знания и сознания, формируемого историческим образованием и наукой. Подтверждением этому могут служить слова алтайских историков: «В условиях непримиримой борьбы двух идеологий мы должны быть солдатами, сражающимися и наступающими на идеологическом фронте. Это наше Куликовское поле, наше Бородино, наш Сталинград. Отечественная история дает богатейшие возможности для патриотического и военно-патриотического воспитания на примерах освободительных войн прошлого, и, прежде всего, при изучении войн в защиту социалистического отечества: гражданской и Великой Отечественной. Делу воспитания патриотизма и интернационализма служит совместная борьба народов нашей страны против социального и национального угнетения в прошлом, их братская борьба против сил империализма, совместный героический труд на благо и процветание социалистической Родины» [16, л. 81–89].

Библиографический список

1. Гордон А.В. Восстановление исторического образования (1934–2004) // *Философский век*. — 2005. — Т. 2.
2. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // *Преподавание истории в школе*. — 2010. — № 3.
3. Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса. — М., 2012.
4. О преподавании гражданской истории в школах СССР: Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. // *Известия ЦИК СССР и ВЦИК*. — 1934. — 16 мая. — № 113.
5. *Правда* (Москва). — 1941. — 2 февр.
6. Сталин И.В., Киров С.М., Жданов А.А. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР (8 августа 1934 года) // *Правда*. — 1936. — 27 янв.
7. Сталин И.В., Киров С.М., Жданов А.А. Замечания о конспекте учебника новой истории (9 августа 1934 года) // *Правда*. — 1936. — 27 янв.
8. Сталин И.В. Об учебнике истории ВКП(б): письмо составителям учебника истории ВКП(б) // *Правда*. — 1937. — 6 мая.
9. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М., 1938.

10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. — Ф. П-1438. — Оп. 1. — Д. 9.

11. Центр документации новейшей истории Томской области. — Ф. 321. — Оп. 3. — Д. 1.

12. Государственный архив Иркутской области. — Ф. Р-71. — Оп. 1. — Д. 487.

13. Лигачев Е.К. Избранные речи и статьи. — М., 1989.

14. Исторический архив Омской области. — Ф. Р-2880. — Оп. 1. — Д. 27.

15. Конституция СССР // Ведомости ВС СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.

16. Государственный архив Алтайского края. — Ф. П-385. — Оп. 1. — Д. 121.